

Семантика и переводоведение

Семантика как раздел языкознания изучает значения слов, предложений, целых текстов. Вопрос о том, что значит то или иное слово, словосочетание, предложение, текст, является одним из самых важных вопросов и в переводоведении.

Структурные исследования в семантике показали, что слова в языке организованы в определенную структуру, или систему.

Во-первых, они могут быть соотнесены друг с другом парадигматический. Иначе говоря, слова могут быть сформированы в группы на основе сходства или оппозиции и потому быть связанными между собой отношениями синонимии, антонимии, паронимии, систем словоформ одной лексемы. Наконец, они могут образовывать целые семантические поля.

Во-вторых, слова сочетаются друг с другом согласно определенным коллигационным (разговорный) и коллокационным (расположение) правилам.

Этот взгляд на отношения между словами в языке называется синтагматическим.

Как показывает практика перевода, ни парадигматика, ни синтагматика любых двух языков никогда не совпадают полностью. Следовательно, при переводе нужно вникать в значение оригинала, определяя место переводимых единиц в системе исходного языка и пытаться найти им соответствие в системе ПЯ.

Например, русское слово рука должно быть переведено на английский язык по-разному во фразах “Кто знает ответ на этот вопрос, пусть поднимет руку и Они шли под руку”. В первом случае соответствием слову рука будет hand, во втором — arm.

Весьма полезным для оптимизации переводческой деятельности оказывается так называемый семантический компонентный анализ. Он представляет собой как бы расслоение (кабат-кабат) слова на все содержащиеся в нем смыслы, семы. Применение компонентного анализа к процессу перевода в переводоведении необходимо, поскольку практически ни одно слово в каком бы то ни было языке не совпадает по своему семантическому составу со словами другого языка. А поэтому нужно уметь обнаруживать наиболее существенные семантические компоненты слова в данном конкретном контексте.

Обращение к семантике и ее категориальному аппарату существенным образом оптимизировало общетеоретические и частно и специально теоретические переводоведческие исследования межъязыковой коммуникации, что, в свою очередь, позволило усовершенствовать некоторые аспекты переводческой практики и преподавания перевода.

Особенности возникновения и развития переводческой деятельности

1. Когда возник перевод
2. Периодизация истории переводческого опыта **П.И. Копанева**
3. Периодизация Стейнера
4. Периодизация Балляра
5. Периодизация Д.З. Гоциридзе и Г.Т. Хухуни

6. Точка зрения Н.К. Гарбовского на историю перевода

Прежде чем начать рассмотрение опыта перевода и истории переводческих учений, приведу высказывание одного из известных теоретиков и историографов европейского перевода Анри Ван Офа, которым он начинает свою книгу об истории перевода в Западной Европе: «Если вы хотите написать историю перевода, вы должны быть готовы ответить на целый ряд вопросов: когда возник перевод? Почему переводят? Всегда ли переводили одинаково? Были ли в истории перевода благоприятные периоды? Список вопросов можно было бы продолжить. Иначе говоря, поле деятельности — обширно. Действительно, изучение теории перевода равносильно изучению истории мира, истории цивилизаций, но сквозь призму перевода и с той лишь разницей, однако, что история перевода не обладает непрерывностью Истории, напротив, в ней обнаруживается множество белых пятен — как во времени, так и в пространстве».

Итак, рассмотрим когда возник перевод. Разумеется, дать точный ответ на этот вопрос вряд ли возможно, ведь история перевода прерывиста не только во времени, но и в пространстве. Тот факт, что мы находим исторические документы, свидетельствующие о переводческой деятельности в глубокой древности в каком-либо одном уголке мира, не дает достаточных оснований утверждать, что перевод не существовал еще раньше в другом конце света, но об этом не сохранилось свидетельств. С известной долей уверенности можно лишь утверждать, что перевод возник в глубокой древности, сразу после того, как возникла потребность в общении между народами, племенами или еще какими-либо этническими группами, говорящими на разных языках. Таким образом, вопрос о возникновении перевода непосредственно связан с вопросом о возникновении языков мира. Одной из распространенных теорий происхождения языка является так называемая теория моногенеза (от греч. *monos* — один и *genesis* — рождение), согласно которой человеческий язык возник из одного источника. Эта теория тесно связана с теорией моногенеза человека. По этой теории, которую разделяют многие антропологи, человек современного типа *Homo sapiens* появился в результате единичной мутации в одном месте Земли, скорее всего в Африке, около 100 тысяч лет тому назад. К этому же периоду относят и возникновение исходного праязыка, который около 30—40 тысяч лет тому назад мог распасться на отдельные диалекты, положившие начало разным языкам, по мере увеличения числа древних людей и их расселения по Африканскому и Евразийскому континентам.

Считается, что к этому периоду уже сформировалось определенное общественное устройство — первобытнообщинный строй, что в свою очередь предполагает расширение функций языка как средства общения.

Наличие некой общественной системы в условиях существования некоторого числа языков позволяет предположить существование в тот период некоего подобия «международных» контактов, которые могли иметь форму обменов какими-либо предметами, совместной деятельности или, напротив, военных действий. Такие контакты в условиях уже сложившегося многоязычия вряд ли

могли осуществляться без языкового посредничества первых переводчиков, т.е. людей, знавших язык другого народа.

А теперь рассмотрим, как развивалась переводческая деятельность, как должна быть построена история переводческого опыта, приемлема ли для нее принятая всеобщей историей периодизация или же для исторического описания перевода следует установить какие-либо иные вехи.

В современной науке мы встречаем различные подходы к периодизации истории переводческого опыта.

П.И. Копанев выделяет в истории перевода четыре периода. Он полагает, что «в ходе конкретно-исторического рассмотрения практики и теории перевода в целом и художественного перевода в частности все с большей отчетливостью проступают хронологические этапы духовного развития человечества и его многовековой культуры, совпадающие в основном с этапами социально-исторической хронологии мира»². Он различает первый, или древний, период (рабство и феодализм);

второй, или средний (от первоначального накопления капитала до научно-технической революции XVIII в. включительно;

третий, или новый, период (конец XVIII — конец XIX в.);

четвертый, или новейший, период (конец XIX-XX в.)

Данная периодизация, разумеется, не лишена оснований. В самом деле, любое явление культуры, каковым является и перевод, может рассматриваться на фоне принятой исторической наукой периодизации человеческой цивилизации.

Для представления истории перевода эта периодизация оказывается недостаточно эффективной прежде всего потому, что имеет сугубо экономические основания — отношение к собственности (рабство, феодализм, накопление капитала) и построенные на вариантах этого отношения социально-экономические формации. Перевод же не связан напрямую ни с экономикой, ни с общественным строем, ни даже с таким значительным явлением, как научно-техническая революция XVII в. С момента своего возникновения перевод одинаково обслуживает все общественные формации с любым отношением к собственности и с любым уровнем научно-технического развития. Центральная область формируется вокруг одного единственного, главного вопроса теории перевода: что происходит при переводе? Этот общий вопрос включает в себя массу более частных: об эквивалентности и адекватности, о преобразованиях и инварианте, о смысле и значениях, о содержании и форме, о вольном и буквальном, о верности и предательстве и многие другие. С момента возникновения перевода до настоящего времени переводчики решают в основном одни и те же задачи, спорят об одних и тех же проблемах независимо от смены общественно-экономических формаций, от научно-технических и социальных революций.

Следующая периодизация, предложенная Стейнером представляется более интересной для науки о переводе, ведь этот исследователь изначально концентрирует внимание на значительных явлениях именно в данной области культуры, для него первичным оказываются переводческие события. Более того, периодизация Стейнера показывает не только явления собственно

перевода (что, кто, когда переводил), но и эволюцию теоретических взглядов на перевод.

Стейнер также выделяет в истории перевода четыре периода, границы между которыми, по его собственному признанию, вовсе не абсолютны.

Первый период начинается с рассуждений Цицерона о том, как он переводил, точнее не переводил, речи греческих ораторов Эсхина и Демосфена, и работы Горация «Поэтическое искусство» и заканчивается комментариями Фридриха Гёльдерлина, немецкого поэта начала XIX в., к собственным переводам Софокла (1804). В этот период переводческая практика служит материалом для анализа и некоторых выводов. Стейнер признает, что в этот весьма обширный исторический период (18 веков!) было вписано немало ярких страниц в историю перевода, однако несмотря на это, весь период характеризуется явно выраженным эмпиризмом.

Второй период Стейнер называет этапом теории и герменевтических (иск-во и теория истолкования, имеющего целью выявить смысл текста, исходя из его объективных и субъективных оснований) разысканий. Его начало Стейнер связывает с именами Александра Фрейзера Тайтлера, автора очерка о принципах перевода (*Tytkr Alexander Fraser. Essay on the Principles of Translation*), вышедшего в Лондоне в 1792 г., и Фридриха Шлейермахера, чья работа о переводе (*Schleiermacher Friedrich. Ueber die verschiedenen Methoden des Uebersetzens*) появилась в 1813 г. В этот период вопрос о природе перевода рассматривается в более широком контексте теорий о взаимодействии сознания и языка. Это эра определения сущности перевода и построения его философско-поэтической теории. В это время уже складывается и историография перевода. Данный период завершается блестящей, но лишенной, по мнению Стейнера, научной строгости книгой французского писателя и переводчика Валери Ларбо «Под покровительством св. Иеронима»², вышедшей в 1946 г.

Третий период, современный, начинается в 40-е гг. появлением первых статей по теории машинного перевода. Начало этого периода Стейнер связывает с именами русских и чешских ученых, которые, унаследовав, по его мнению, идеи формализма, пытались применить лингвистическую теорию и статистические методы к исследованию перевода. В этот период предпринимаются попытки установить соответствие между формальной логикой и моделями языковых трансформаций. Период отмечен интенсивными научными разысканиями в области перевода. Выходит множество публикаций о переводе. Появляются работы по теории перевода А. Федорова, Р.-А. Броуера, У. Арроусмита и др. Переводчики-профессионалы создают свои организации и начинают издавать свои журналы. Но с начала 60-х гг. акцент в разысканиях в области теории перевода несколько смещается и начинается новый, четвертый, период.

Начало четвертого периода Стейнер связывает с «открытием» статьи о переводе Вальтера Беньямина (*Benjamin Waiter. Die Aufgrabe des Übersetzers*), опубликованной еще в 1923 г. и представляющей собой предисловие к

переводам Ш. Бодлера, а также с популярностью экзистенциалистских идей Мартина Хайдеггера (осн категория –«временность», первично «настроение», «бытие –в-мире») и Ханса-Георга Гадамера. Новое направление он определяет как герменевтическое. Наступает период почти метафизических разысканий в области письменного и устного перевода, угасания надежд на возможности автоматического перевода (стычек «универсалистов» с «релятивистами»). Перевод оказывается полем сражения лингвистов. В это же время теория перевода выходит за пределы лингвистики и становится объектом междисциплинарных научных исследований, располагаясь на стыке антропологии, психологии, социологии, а также таких смежных дисциплин, как этнолингвистика и социоллингвистика. Классическая филология, сравнительное литературоведение, лексическая статистика, этнография, социология уровней языка, формальная риторика, поэтика, грамматический анализ смыкаются, для того чтобы прояснить суть акта перевода и механизмы «межъязыковой жизни», заключает Стейнер¹.

Но и эта периодизация, несмотря на то что она построена на анализе работ, посвященных собственно переводу, также оказывается уязвимой для критики. В то же время, как отмечает Балляр, известный исследователь, существует договоренность в различении исторических периодов:

античность,
Средние века,
Возрождение,
XVII в., XVIII в.

Балляр отдает предпочтение изучению истории перевода именно в таком ключе, чтобы облегчить ориентирование, привязку во времени событий из сферы перевода, даже если подобная периодизация истории может приниматься с оговорками².

Таким образом, взгляд Балляра на историю перевода близок тому, что мы встречаем у Копанева: он также предлагает рассматривать историю перевода по периодам или эпохам, традиционно выделяемым историей человеческой цивилизации. Однако, как мы видим, периодизация истории, на которую опирается Балляр, отличается от социально-экономической периодизации, составляющей основу исторических разысканий Копанева. Балляр в большей степени, чем Копанев, во всяком случае по замыслу опирается на явления не материальной культуры (экономики), а духовной. Именно в этом их основное различие. Историю перевода как явления духовной культуры можно изучать по этапам развития именно духовной сферы человеческой цивилизации. Поэтому периодизация истории перевода Балляра более соответствует характеру изучаемого объекта. Однако и она не лишена некоторых недомолвок и субъективности.

Взгляд на периодизацию истории перевода, который мы обнаруживаем в работе Балляра, разделяют и грузинские исследователи Д.З. Гоциридзе и Г.Т. Хухуни. Критикуя концепцию Стейнера, они утверждают, что предложенная им периодизация истории перевода лишена истинного историзма, так как в ней «по существу игнорируются те различия, которые характеризовали развитие

перевода и переводческой мысли в течение двух тысяч лет — от античных авторов до европейских романтиков". Они, подобно Балляру, избирают для истории перевода периодизацию, основанную на выделении этапов духовной жизни общества, точнее этапов развития литературы. Принимая историко-литературный подход к исследованию фактов истории перевода, эти исследователи опираются на мнение, высказывавшееся многими переводоведами (А.В. Федоровым, Ю.Д. Левиным, Г.Р. Гочечиладзе) о неразрывной связи перевода с жизнью литературы. Подобный подход вполне правомерен с одной лишь оговоркой: если рассматривать историю только письменного перевода. Однако далеко не всегда переводческая мысль ограничивалась областью литературного перевода. Даже если признать литературой абсолютно все, что написано человечеством, не выделяя в особую область художественное словесное творчество, то и в этом случае остается обширная область устного перевода, также неоднократно привлекавшая внимание исследователей перевода. Поэтому построение периодизации истории перевода в виде кальки истории литературы также оказывается уязвимым, хотя, разумеется, такая периодизация более объективна потому, что в основе и перевода, и литературы лежит речевая деятельность человека.

Гарбовский отмечает, что со Стейнером можно согласиться, что конец 40-х гг. XX в. оказался поворотным моментом в истории переводческой мысли. Это действительно связано с первыми опытами машинного перевода, которые стали возможны благодаря бурному развитию структурной лингвистики и кибернетики. Но переворот в «переводческом сознании» произошел еще и потому, что на перевод взглянули как на особый вид сложнейшей интеллектуальной деятельности, существующей в разных формах и имеющей свои, пока еще не познанные внутренние законы. Предпринимались множественные попытки построения моделей перевода. Изучению подвергались уже не только переведенные тексты в их сравнении с оригиналами. Перевод изучался в большей степени с позиций порождения речи.

Нельзя не согласиться и с тем, что ослабление интереса исследователей к моделированию переводческих процессов, обусловленное некоторой ограниченностью сугубо структурного подхода к переводу, и связанное с ним разочарование в возможностях машинного интереса вновь вывели на передний план личность переводчика, заставили задуматься об объективном и субъективном началах перевода. Разумеется, в центре внимания вновь оказался текст, продукт переводческой деятельности, единственный вещественный источник, дающий возможность вывести скрытые законы перевода. Это действительно было началом нового — герменевтического — этапа в истории переводческой теории.

В настоящее время успешно сосуществуют оба подхода к изучению проблем перевода: и структурно-трансформационный, и герменевтический. Сочетание этих подходов отражает двуединую сущность перевода как изучаемого объекта: понимание смысла текста (герменевтический аспект) и межъязыковое преобразование исходного текста в текст на ином языке. За четверть века после выхода в свет книги Стейнера крен в сторону герменевтики перевода еще более

усилился. Проблема «диалога культур» стала одной из центральных в гуманитарных исследованиях. И опять привилегированным полем исследований, научных и ненаучных дискуссий стал перевод, дающий поистине неисчерпаемый материал для сравнительных культурологических разысканий.